

Собрания казачьих депутатов как элемент политической автономии Войска Донского в позднеимперский период

А. Ю. Перетяцько

Для цитирования: *Перетяцько А. Ю.* Собрания казачьих депутатов как элемент политической автономии Войска Донского в позднеимперский период // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 1. С. 121–139. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.107>

В донской историографии принято рассматривать вторую половину XIX в. как время кризиса традиционных войсковых институтов, обеспечивавших автономию донского казачества. По этой причине вопрос о взаимоотношениях Войска Донского и имперского правительства не привлекал внимания исследователей российских окраин. Между тем с 1863 по 1899 г. на Дону четырежды созывались выборные депутаты от всего войска для обсуждения наиболее острых экономических и юридических вопросов. На основании архивных материалов Государственного архива Ростовской области, Российского исторического архива, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, свидетельств современников и современных научных статей автор показывает, что мнение этих депутатов обычно было оппозиционным правительству и предполагало внесение значительных коррективов в правительственную политику. Несмотря на это, имперские власти дважды реализовали важнейшие меры, предложенные донскими выборными депутатами; один раз войсковому атаману удалось убедить этих депутатов в правильности правительственного курса, и лишь однажды волеизъявление донских депутатов было отвергнуто. Тем не менее даже в этом случае Военное министерство значительно скорректировало свою политику под их влиянием. В то же время донские депутаты всегда выдвигали требование расширения самостоятельности Войска Донского, предоставления ему фактически полноценной политической автономии. Военное министерство эти требования каждый раз отвергало, ссылаясь на их «беспримерность в сфере местного и государственного в Империи управления», однако не применяло репрессивных мер по отношению к предложившим их лицам, несмотря на то что последние обвинялись в сепаратизме. Результатом исследования является вывод о том, что, хотя полноценной политической автономией Войско Донское в 1860–1890 гг. не обладало, отдельные элементы подобной автономии у него были, и донские казаки неоднократно добивались реальной корректировки правительственного курса в нужном им направлении, несмотря на ограниченные масштабы этой корректировки.

Ключевые слова: окраины Российской империи, Войско Донское, донское земство, казачье законодательство, казачье самоуправление, экономика казачьих войск.

Артем Юрьевич Перетяцько — канд. ист. наук, Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, США, 20036, STE 900 Вашингтон, округ Колумбия, пр. Коннектикут, 1150; Волгоградский государственный университет, Российская Федерация, 400062, Волгоград, Университетский пр., 100; ArtPeretatko@yandex.ru

Artyom Yu. Peretyatko — PhD in History, International Network Center for Fundamental and Applied Research, 1150 Connecticut Ave. NW, STE 900 Washington, District of Columbia, 20036, USA; Volgograd State University, 100, Universitetsky pr., Volgograd, 400062, Russian Federation; ArtPeretatko@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

Cossacks Deputies Gatherings as an Element of Political Autonomy of the Host Don in the Late Imperial Period

A. Yu. Peretyatko

For citation: Peretyatko A. Yu. Cossacks Deputies Gatherings as an Element of Political Autonomy of the Host Don in the Late Imperial Period. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2020, vol. 65, iss. 1, pp. 121–139. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.107> (In Russian)

The second half of the 19th century is usually perceived in the historiography on the Don as the time of crisis for traditional Host institutions which maintained the Don Cossacks autonomy. Thus the question of relationships between the Host Don and the imperial government has remained outside the scope of researchers of the Russian outskirts. However, between 1863 and 1899 elected deputies in the Don area were convened four times to discuss the most acute economic and legal issues. Based on the archival materials from the State Archive of Rostov Oblast, the Russian State Historical Archive, the Nation Library of Russia Manuscript department, memoirs of contemporaries and modern scholarship, the author reveals that opinions of these deputies were usually opposed to the government. Despite that, the imperial authorities twice had implemented important measures suggested by the Don deputies; one time they managed to sway their original opinion in their favour; and only once the will of the Don deputies was rejected. At the same time, the Don deputies had always demanded extension of the Don Host independence, thus, virtually, full political autonomy. The Ministry of War rejected such demands each time, referring to the absence of precedence “in the spheres of local and State Imperial management”. The paper concludes that although the Host Don in did not enjoyed full political autonomy in 1860–1890, there were some elements of it, and the Don Cossacks repeatedly achieved actual adjustments to government course in accordance with their preferred direction, even though the scale of such adjustments was limited.

Keywords: Russian Empire outskirts, the Host Don, the Don zemstvo, Cossacks' legislation, Cossacks' self-government.

Взаимоотношения Войска Донского с Российской империей всегда были сложными и неоднозначными. В 1864 г. влиятельный офицер Управления иррегулярных войск Военного министерства и одновременно представитель одной из самых политически значимых донских семей Н. И. Краснов писал, что казаки «...беспрекословно исполняют все Высочайшие повеления, но вместе с тем с подозрительностью смотрят на все преобразования: назначаемые же им русские чиновники не пользуются их любовью и доверием»¹. В этом же году министр внутренних дел Российской империи П. Г. Валуев жаловался в переписке с Военным министерством, что законотворческие предложения донской элиты не только не отвечают правительственной политике сближения устройства казачьих войск с общеимперским, но и направлены на «укрепление замкнутости от единства с Империей» и даже предполагают «охранение неприкосновенности войсковых границ»². При этом имперское правительство старалось не говорить с казачеством с позиции силы. И Д. А. Милютин, видя непопулярность на Дону идей сближения донского казачества и остального населения Российской империи и опасаясь, что «подозрительность» казаков по отношению к правительству перейдет в открытый бунт, ритори-

¹ Краснов Н. И. Военное обозрение Земли Войска Донского. СПб., 1864. С. 210–211.

² Волвенко А. А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860–1870 гг.) // Известия Самарского центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 3. С. 18.

чески вопрошал: «...не посылать же войска для усмирения казаков, особливо в то время, когда от них требуется присылка полков для усмирения Царства Польского и наших западных губерний?»³

Однако при изучении взаимоотношений центральной власти Российской империи и ее окраин во второй половине XIX в. Войско Донское обычно оказывается вне рассмотрения современных исследователей. Важной причиной этого является то, что историки нередко ставят знак равенства между понятиями «окраина» и «национальная окраина». Например, в недавно вышедшей статье А. Т. Урушадзе, О. А. Грома и Н. В. Дмитриевой «Российская империя и национальные окраины: между теорией самодержавия и практикой управления» формулировка «национальные окраины» даже вынесена в заглавие, хотя фактически многие высказываемые авторами положения могут быть в полной мере применены и к казачьим войскам⁴. Если современные историки и претендуют на то, чтобы писать об этнически русских окраинах, в центре их внимания оказывается обычно Сибирь, для которой было характерно «управление с общеимперской государственной администрацией на всех уровнях»⁵.

В рамках традиционной историографической интерпретации взаимоотношений Войска Донского и Российской империи во второй половине XIX в. эти взаимоотношения действительно малоинтересны для понимания феномена российских окраин. Система функционирования Войска Донского обычно сводится донскими историками к «управлению с общеимперской государственной администрацией на всех уровнях», разумеется не буквально (это невозможно хотя бы в силу существовавшей тогда специфики подчинения Войска Донского Военному министерству и милитаризованности его властных структур), но по существу⁶. В наиболее радикально выражающих подобный взгляд работах речь идет о государственном «закрепощении» донского казачества и о том, что донские казаки во второй половине XIX в. находились в большей зависимости от имперской власти, чем любая другая категория российского населения. Мы в своей статье хотели бы показать, что это было не так, что Войско Донское имеет смысл исследовать как одну из окраин Российской империи, имеющую уникальную специфику отношений с центральным правительством, и, наконец, что эта специфика предусматривала даже элементы политической автономии.

Одной из причин недооценки дореволюционной историографией самостоятельности Войска Донского в интересующий нас период было то, что те институты, которые традиционно ее обеспечивали, к концу 1860-х гг. окончательно исчезли или превратились в инструменты имперского правительства. В этом отношении

³ Volvenko A. A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). P. I // Russkaya Starina. 2015. Vol. 13, iss. 1. P. 32.

⁴ Урушадзе А., Гром О., Дмитриева Н. Российская империя и национальные окраины: между теорией самодержавия и практикой управления // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6, № 3. С. 835–853.

⁵ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Окраины Российской империи: институты и бюрократия XIX — начала XX века. Иркутск, 2015. С. 26.

⁶ Номикосов С. Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. С. 47–51; Краснов П. Н. Картины былого Тихого Дона. СПб., 1909. С. 444–455; Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917 гг.). Белград, 1924. С. 340; Козлов А. А., Козлов А. И. Имперская политика огосударствления, милитаризации и закрепощения казаков в XIX — начале XX века // Казачество: прошлое и настоящее. Волгоград, 2000. С. 95–125.

наиболее показателен прецедент с Войсковым Кругом. Во второй половине XIX в. Войсковыми Кругами называли чисто церемониальные войсковые мероприятия, и С. Г. Сватиков, борющийся за автономию Дона, писал, что ларец для высочайших грамот Войску Донскому, выносившийся на Круги, «подобен был роскошному гробу, в котором покоились останки донской вольности»⁷. А «войсковая хлеб-соль» после Круга сделалась своего рода трапезой казачества после панихиды по дорогим покойникам»⁸. Схожим образом либерально настроенные представители донской элиты возмущались трансформацией роли донского атамана, превратившегося из защитника интересов казаков в главного проводника правительственной политики на Дону. Один из самых известных донских либералов старшего поколения, А. А. Карасев, противопоставлял попытки атаманов второй половины XIX в., назначавшихся из числа генералов регулярной армии, «изображать готовность донского казака и полную его возможность во всякое время ринуться на врага» несколько идеализированному желанию их предшественников-казаков «радеть о пользах казачьей массы»⁹.

В этих условиях возникла необходимость в других, принципиально новых институтах, способных поддерживать изменившийся баланс между имперским правительством и донскими казаками. Продолжение наступления на казачьи права и привилегии могло вызвать открытый бунт, которого опасался Д. А. Милютин. Слабость во взаимодействии с казачеством, напротив, могла закончиться его локальным выигрышем в борьбе за самостоятельность и возвращением Дону большей независимости от имперского центра. Наконец, сохранять статус-кво было невозможно потому, что в условиях Великих реформ Войско Донское представало уже откровенно архаичной организацией, необходимость преобразования которой признавали даже местные консерваторы¹⁰. И новые институты действительно появлялись, но, поскольку они были нетрадиционны и не имели отношения к казачьему прошлому, внимания дореволюционных историков они вполне закономерно не привлекли. Институты эти были достаточно разнородны и разнообразны, и в своей статье мы детально разберем только самый показательный из них, собрание выборных депутатов от всего войска.

В 1863 г. кризис в отношениях имперской власти и донского казачества достиг высшей точки за всю вторую половину XIX в. Военное министерство считало возможным казачье восстание, на Дон был отправлен флигель-адъютант Александра II Н. В. Мезенцев для изучения реального положения дел в станицах, и относительное «умиротворение» было достигнуто только после подписания высочайшей грамоты, гарантирующей права и привилегии казачества¹¹. Парадокс заключался в том, что четкого законодательно зафиксированного списка этих прав и привиле-

⁷ Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917 гг.). С. 342.

⁸ Там же.

⁹ Карасев А. А. Донские атаманы за последние полвека // Русский архив. 1899. Кн. 2. С. 115–116.

¹⁰ *Peretyatko A. Y.*: 1) “Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order”: the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. P. I // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45, iss. 3. P. 937–948; 2) “Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order”: the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 on the Don. Part II // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 46, iss. 4. P. 1401–1415.

¹¹ Волвенко А. А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860–1870 гг.). С. 17.

гий на тот момент не существовало, а попытка его создания в 1866 г. закончилась тем, что Военное министерство сочло нецелесообразным закреплять «освобождение казаков от личных податей» и срочно свернуло работы¹². Подобная юридическая неопределенность оказалась во многом выгодна правительству, сохранившему свободу в проведении реформ, но в то же время означала, что право Войска Донского на самоуправление, некогда осуществлявшееся через Войсковой Круг, не было официально отменено.

Между тем возникший конфликт был тесно связан с юридическим положением казачества, и одного формального признания прав и привилегий Войска Донского для его преодоления было недостаточно. Военное министерство хотело реформировать казачьи войска на современный лад, уменьшив их замкнутость и приблизив к устройству российских губерний, а донские казаки боялись потерять свой привилегированный статус, быть «обращенными в мужиков», и поэтому боролись за «неприкосновенность войсковых границ»¹³. При этом действующее Положение об управлении Донского войска от 1835 г. очевидно устарело, а многочисленные дополнения и уточнения к нему «вносили путаницу в работу местных и центральных властей»¹⁴. В связи с этим ключевым для разрешения конфликта казаков с имперской властью вопросом стал вопрос о том, кем будет создаваться новое положение и будут ли допущены до его составления и редактирования реальные представители донского казачества. Военное министерство, в принципе, выступало за привлечение казаков к разработке нового законодательства, однако пыталось свести их роль к «ближайшему ознакомлению <имперской власти> с местными условиями, неизбежно влияющими на уклонение различных казачьих войск в ту или иную сторону от общего формального дела»¹⁵. Однако многие донские казаки считали такой подход недопустимым, предполагая, что для участия в создании нового «Положения» будут отобраны самые «безгласные» из донских чиновников, покорные исполнители требований правительства¹⁶. С их стороны звучали призывы допустить до составления нового казачьего законодательства настоящих представителей казачества, лиц, не назначенных сверху, но избранных снизу¹⁷.

Современники приписывали решающую роль в разрешении этого вопроса упомянутому нами П. Х. Граббе, который признал необходимым, чтобы бóльшая часть авторов нового положения «была бы избрана общественными сословиями»¹⁸. На фоне общего курса Военного министерства на «умиротворение» Дона еще до подписания высочайшей грамоты 1863 г., гарантировавшей права и привилегии казачества, на всей территории Войска Донского начались выборы: для обсужде-

¹² Волвенко А. А. Очерки по истории донского казачества в позднеимперский период (II пол. XIX — нач. XX в.). Ростов н/Д., 2017. С. 48–49.

¹³ Карасев А. А. Бунт на Дону в 1862–1863 годах // Исторический вестник. 1900. № 80. С. 167–174.

¹⁴ Волвенко А. А. Нереализованный проект Положения о войске Донском // Научная мысль Кавказа. 2006. №1. С. 20–21.

¹⁵ Маслаковец Н. А. Оренбургское казачье войско. Очерк // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 1055. Ед. хр. 99. С. 61–62.

¹⁶ Попов Х. И. Ответ «Есаулу» // Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 34. Л. 1 об.–3.

¹⁷ Попов Х. И. Ответ «Есаулу». Л. 2 об.–3.

¹⁸ Краснов И. И. Беспоместные и мелкопоместные чиновники войска Донского // Русский вестник. 1865. Т. 58. С. 350.

ния нового казачьего законодательства в Новочеркасск должны были отправить 108 депутатов от станиц, 7 депутатов от донских дворян и 7 депутатов от донских чиновников¹⁹. В ноябре — декабре 1863 г. эти депутаты собрались в Новочеркасске, где были разделены по округам, причем каждый округ представил подробный отзыв на проект нового положения, предлагая свои редакции существующих статей, внося новые и исключая имеющиеся²⁰. При этом своей целью депутаты поставили удовлетворение «справедливых польз и желаний казачьего сословия», а отнюдь не адаптацию правительственных идей к местным донским условиям²¹. Компромисса не получилось: станичные депутаты требовали от Военного министерства уступок, на которые оно заведомо не могло пойти. В частности, предлагалось запретить имперской власти вносить любые изменения в новое положение без одобрения со стороны выборных донских депутатов²²; создать областное земское собрание, не меньше 50 % которого составляли бы представители донских станиц²³; наконец, допустить членов этого собрания до составления войскового бюджета²⁴. Фактически принятие нового Положения об управлении Донского войска в донской редакции стало бы огромным шагом в направлении превращения Земли Войска Донского в полноценную политическую автономию, вроде Великого княжества Финляндского, со своим представительным органом, армией и даже «границами». Поэтому закономерно, что итоговый донской проект был раскритикован не только Военным министерством, но и всеми органами центрального управления Российской империи, в которые он был разослан для ознакомления²⁵.

Эпизод с участием депутатов от донских станиц в разработке нового «Положения об управлении Донского войска» традиционно трактуется донской историографией как эпизодический и маловажный — в частности, С. Г. Сватиков с возмущением писал о том, что «донской проект был положен под сукно»²⁶. В действительности ситуация была значительно сложнее. Донские депутаты потребовали автономии во время Польского восстания 1863–1864 гг., в то время, когда часть Российской империи попыталась отделиться военным путем. Их действия могли быть истолкованы, да и истолковывались некоторыми лицами, как опасные для государства. Уже в 1864 г. М. Н. Катков на страницах «Московских ведомостей» прямо обвинил не только оппозиционную часть донской элиты, но и новочеркасское войсковое начальство в «донском сепаратизме»²⁷. Позже некоторые мемуаристы также приписывали части донских чиновников желание «взволновать казачество»²⁸. Крайнее недовольство подготовленным в Новочеркасске проектом положения вы-

¹⁹ Краснов И. И. Беспоместные и мелкопоместные чиновники войска Донского. С. 350.

²⁰ Черновик проекта «Положения о войске Донском» // ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 70. Л. 1–10; Замечания депутатов, назначенных от станиц Хоперского округа, на проект основных начал Положения о Войске Донском // ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 1–89.

²¹ Там же. Л. 1 об.

²² Черновик проекта «Положения о Войске Донском». Л. 2; Замечания депутатов, назначенных от станиц Хоперского округа... Л. 79–79 об.

²³ Замечания депутатов, назначенных от станиц Хоперского округа... Л. 68.

²⁴ Там же.

²⁵ Волвенко А. А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ» (1860–1870 гг.). С. 18.

²⁶ Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917 гг.). С. 348.

²⁷ Катков М. Н. Донской сепаратизм // Московские ведомости. 1864. № 89. С. 1.

²⁸ Volvenko A. A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860s). Part I. P. 29.

разил в своих мемуарах и Д. А. Милютин²⁹. Очевидно, что донские депутаты совершенно не оправдали ожиданий имперского правительства, и в других условиях это могло бы повлечь продолжение конфликта между донским казачеством и Военным министерством.

Однако последнее проявило политическую гибкость, постаравшись максимально сгладить ситуацию. Донской проект нового положения действительно был именно «положен под сукно», т.е. об отказе от него не было даже объявлено официально. В 1865 г. Военное министерство вообще отказалось от концепции положений об управлении казачьими войсками, оставив, соответственно, без рассмотрения и донской проект как единый документ³⁰. В то же время отдельные его элементы, очевидно удовлетворяющие правительственной политике, по мнению современного историка Р.Г. Тикиджьяна, «все же были учтены»³¹. Не пострадали и лица, ответственные за подготовку «сепаратистского» документа. Более того, просьба П. Х. Граббе об отставке, последовавшая в конце 1864 г., была отклонена³². Не были уволены со службы или понижены и два известных нам автора донского проекта положения, наиболее активные из станичных депутатов И. П. Прянишников³³ и Х. И. Попов³⁴.

Таким образом, даже после полного провала первой попытки созвать собрание выборных депутатов от всего Войска Донского, Военное министерство не решилось вступать с донским казачеством в открытый конфликт. Более того, отказ от создания нового Положения об управлении Донского войска сделал неактуальными и наработки имперского правительства в этом направлении, которые создавались с 1862 г.³⁵ Имперская власть пошла на полную перезагрузку ситуации, попытавшись начать все с чистого листа и уже в других условиях: с 1865 г. составлением нового казачьего законодательства занялся Временный комитет по пересмотру казачьих законоположений, созданный в Санкт-Петербурге при Управлении иррегулярных войск из депутатов от различных казачьих территорий³⁶. Депутаты эти должны были назначаться войсковыми атаманами, однако как минимум в одном войске, Уральском, атаман передал право избрать депутата обществу офицеров, причем это вскрылось только тогда, когда избран был один из наиболее последовательных противников правительственной политики в этом войске³⁷. Тем не менее Военное министерство не рискнуло его заменить, оставив выбор местной элиты

²⁹ Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1865–1867. М., 2005. С. 184–185.

³⁰ Волвенко А. А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ» (1860–1870 гг.). С. 18.

³¹ Тикиджьян Р. Г. Донской кодификационный комитет // Донской временник. 2014. Вып. 23. С. 95–98.

³² Volvenko A. A. Don Atamans of the Age of “Great Reforms” (the 1860s — 1870s) // Russkaia Starina. 2017. 8(1). P. 39.

³³ Донцы XIX века. Ростов н/Д., 2003. С. 419.

³⁴ Там же. С. 409–410.

³⁵ Сообщения комитета о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении положений о казачьих войсках // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 169. Кар. 23. Ед. хр. 20. Л. 1–20.

³⁶ Volvenko A. A. Interim Committee on Revision of the Cossack Statutes: Organization, Structure, Activity (1865–1872) // Bulye Gody. 2018. Vol. 47, iss. 1. P. 282.

³⁷ Карлгоф Н. И. Докладные записки Милютину, Дмитрию Алексеевичу, о деятельности комиссии // ОР РГБ. Ф. 169. Кар. 23. Ед. хр. 19. Л. 12.

в силе³⁸. Что касается донских депутатов, то с ними возникла еще более сложная ситуация: сам Н. И. Карлгоф в переписке с Д. А. Милютиним жаловался, что, хотя донцы во Временном комитете лично лояльны правительству, они «опасаются подвернуться негодованием своих войсковых обывателей», и поэтому не смеют уклоняться в принципиальных вопросах от позиции донского большинства³⁹. И в этих условиях четко выраженный донскими депутатами в 1863 г. взгляд на предлагаемые сверху реформы оставался фактором, влияющим на правительственную политику и сильно тормозящим реализацию конкретных законопроектов: «продавить» первые серьезные изменения в законодательстве о донских казаках Н. И. Карлгофу удалось только в 1868 г.⁴⁰, хотя эти изменения планировались с 1862 г.⁴¹ Более того, в одном принципиальном вопросе мнение донских депутатов даже возобладало над политикой Военного министерства. Уже в 1862 г. последнее предложило положить в основу реформы системы казачьей службы идею о том, что «неестественно положение того общества, в котором все члены составляют одно только военное сословие»⁴². Исходя из этого была разработана и реализована в большинстве казачьих войск конскрипционная система службы, в рамках которой часть казаков полностью освобождалась от призыва в обмен на уплату дополнительного налога⁴³. Однако двум войскам, Донскому и Уральскому, удалось отстоять свое право на сохранение традиционной поголовности казачьей службы⁴⁴.

Таким образом, идея П. Х. Граббе допустить выборных депутатов от казачьих станиц до составления нового Положения об управлении Донского войска, не обеспечив своей прямой цели, неожиданно оказалась очень полезной в долгосрочной перспективе. Допуск реальных представителей казачества к разработке нового казачьего законодательства способствовал нормализации отношений Военного министерства и донского казачества. Позиция этих представителей, вопреки мнению С. Г. Сватикова, оказала заметное влияние на правительственную политику, затормозив реализацию навязываемых сверху реформ и заставив полностью отказаться от самой непопулярной из них. Безусловно, все эти успехи носили локальный характер, и по большинству вопросов на уступки пришлось пойти казакам. И все же достигнутые донской элитой в противостоянии с имперской властью успехи выглядят едва ли не уникальными для Российской империи второй половины XIX в.

Более того, Военное министерство и в дальнейшем обращалось к предложенному П. Х. Граббе инструменту создания временных органов из избранных депутатов от Войска Донского, несмотря на постоянную оппозиционность этих депутатов и их склонность противостоять правительственной политике. Следующим этот инструмент использовал уже преемник П. Х. Граббе, А. Л. Потапов, и снова в связи с попыткой пересмотреть казачье законодательство. Как мы писали, еще в 1863 г. казачьи депутаты связывали с созданием земств на Дону большие надеж-

³⁸ *Volvenko A. A. Interim Committee on Revision of the Cossack Statutes...* P.284–287.

³⁹ *Карлгоф Н. И. Докладные записки Милютину...* Л. 16 об.

⁴⁰ *Volvenko A. A. Interim Committee on Revision of the Cossack Statutes...* P.288.

⁴¹ Соображения комитета о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении положений о казачьих войсках // ОР РГБ. Ф. 169. Кор. 23. Ед. хр. 19. Л. 8об, 11об.–12.

⁴² Там же. Л. 3.

⁴³ *Волвенко А. А. Концепция войскового (неслужилого) гражданина: замыслы и практика (1860–1870-е гг.) // Primo Aspectu. 2016. № 4 (28). С. 68–71.*

⁴⁴ *Volvenko A. A. Interim Committee on Revision of the Cossack Statutes...* P.288.

ды, рассчитывая, что именно земства станут своеобразной заменой Войскового Круга, самым главным выборным казачьим органом. Военное министерство также считало земскую реформу в казачьих войсках делом первостепенной важности, и Н. И. Карлгоф в 1865 г. предполагал, что «приготовительные работы» по проведению этой реформы станут одной из первоочередных задач Временного комитета по пересмотру казачьих законоположений⁴⁵. Однако тот вариант земств, который предложили донские депутаты в 1863 г., уже был отвергнут имперскими властями вместе со всем донским проектом Положения об управлении Донского войска, а Временный комитет свой вариант земской реформы в казачьих войсках так и не смог разработать до самого своего закрытия в 1872 г.⁴⁶ Вопрос о причинах этого заслуживает отдельного исследования, но, с нашей точки зрения, введению на Дону земств через Временный комитет снова мешала позиция выборных депутатов 1863 г., четко заявивших, какое земство им нужно. Во всяком случае, А. Л. Потапов уже в 1866 г. выразил сомнение в том, что Временный комитет сможет выработать земское законодательство для казачьих войск, и добился создания на Дону местного комитета для подготовки земской реформы, на 2/3 состоящего из выборных депутатов от донских казаков и коренных крестьян⁴⁷. К сожалению, нам не удалось обнаружить материалов работы данного комитета. Между тем он носил уникальный характер: это был единственный преимущественно выборный орган на Дону второй половины XIX в., председателем которого являлся лично войсковой атаман⁴⁸. Более того, в дореволюционной историографии с работой этого комитета связывалось несколько мифов, в частности о том, что инициатива привлечения выборных депутатов к разработке нового проекта донских земств принадлежала все тому же защитнику казачьих интересов П. Х. Граббе, что опровергается позднейшими архивными находками⁴⁹. В действительности ситуация была более сложной: новый комитет создали по инициативе проправительственно настроенного А. Л. Потапова, однако не для того, чтобы выборные депутаты разработали свой собственный проект, а для того, чтобы они согласились с идеями Военного министерства и адаптировали их к донским реалиям. В итоге та часть депутатов, которая пыталась отстаивать идею «земств только для казачества», из комитета была исключена, а Военное министерство официально сообщило оставшимся, что «земство на Дону не может быть составлено исключительно из одного казачьего сословия, с отстранением равноправного в нем участия сословий и лиц, проживающих и населяющих землю войска, но не принадлежащих к войсковому сословию»⁵⁰.

Однако острого конфликта на этот раз не произошло: А. Л. Потапову удалось исключить не желающих идти на компромисс депутатов без скандала, а подготовленный в итоге проект Военное министерство признало «в общем виде и в главных

⁴⁵ Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. XI, ч. 1. СПб., 1902. С. 415.

⁴⁶ Там же. С. 426–427.

⁴⁷ Волвенко А. А. Правительственная политика, местная власть и земская реформа в Области Войска Донского (1864–1882 гг.) // Казачество России: прошлое и настоящее. Сб. науч. статей. Вып. 2. Ростов н/Д., 2008. С. 196–201.

⁴⁸ Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917 гг.). С. 378.

⁴⁹ Там же. С. 378.

⁵⁰ Волвенко А. А. Правительственная политика, местная власть и земская реформа в Области войска Донского (1864–1882 гг.). С. 196–201.

основаниях своих вполне соответствующими своей цели»⁵¹. Более того, крайне авторитетный в донской либеральной историографии С. Г. Сватиков, по-видимому, вообще не знал всех этих деталей и рассматривал ушедший с Дона земский проект как созданный по инициативе выборных депутатов и оппозиционный правительственным идеям⁵². Таким образом, при определенной доле политической прозорливости (которой, впрочем, из всех донских атаманов второй половины XIX в. обладал только А. Л. Потапов) сами временные выборные органы от Войска Донского могли быть инструментом в руках имперской власти, легитимируя в глазах казаков правительственные проекты.

После 1866 г. Военному министерству удалось найти определенный компромисс с донским казачеством. Нельзя сказать, чтобы он полностью устраивал одну из сторон: как мы показали выше, реализация непопулярных правительственных реформ на Дону была затруднена, и в некоторых случаях имперская власть вообще отказывалась от своих наработок, опасаясь возмущения казаков. В архивных документах мы встречали прямые утверждения донских атаманов о том, что реализация тех или иных правительственных проектов крайне нежелательна, потому что они вызовут недовольство в станицах⁵³. С другой стороны, как либерально настроенная часть донской элиты, так и простые казаки желали большей автономии Войска Донского и считали его текущее, полностью подчиненное Военному министерству, положение неправильным. Но избегать прямых конфликтов помогал институт местных комиссий и комитетов, хотя и назначаемых, однако достаточно независимых от правительства, чтобы позволить себе критиковать его проекты. Именно такие местные комитеты готовили, например, военную реформу на Дону в 1870 г.⁵⁴ или новое Положение об управлении казачьих станиц в 1880 г.⁵⁵ Кроме того, позиция как имперских властей, так и донских казаков по ключевым вопросам была в целом прояснена станичными и дворянскими депутатами в 1863–1866 гг. Поэтому неудивительно, что в 1870 г. нужды в созыве депутатов от Войска Донского не возникало, и в целом действия правительства не встречали серьезного сопротивления со стороны донских казаков.

Новый конфликт возник не между имперским правительством и донской элитой, а в среде самой этой элиты, раскалывая ее на части. Здесь мы снова должны вернуться к сюжету о донских земствах, наглядно показывающему всю сложность проведения реформ в Войске Донском. Проект создания земских учреждений более десятилетия корректировался местными и столичными комиссиями, рассматривался и обсуждался в различных министерствах⁵⁶. Тем не менее сразу же после начала деятельности земств в 1876 г. вокруг них развернулась борьба, описываемая

⁵¹ Волвенко А. А. Правительственная политика, местная власть и земская реформа в Области войска Донского (1864–1882 гг.). С. 197–202.

⁵² Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917 гг.). С. 378.

⁵³ Дело о присоединении Миусского округа к проектируемой Таганрогской губернии // ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1130. Л. 16.

⁵⁴ О воинской повинности Донского казачьего войска // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 2–12.

⁵⁵ По отношению военного министра по проекту положения об общественном управлении станиц казачьих войск // РГИА. Ф. 1291. Оп. 70. 1889 г. Д. 86. Л. 11 об.

⁵⁶ Волвенко А. А. Правительственная политика, местная власть и земская реформа в Области Войска Донского (1864–1882 гг.). С. 197–202.

современниками в зависимости от их идеологических предпочтений совершенно по-разному.

По версии либерально настроенного С. Г. Сватикова, конфликт возник между сторонниками земств и представителями войсковой администрации, не желавшими поддержать новосозданные органы. Так, земцы рассчитывали на то, что им будут переданы все медицинские учреждения войска, однако войсковая администрация отказалась идти на такой шаг⁵⁷. Далее, в интерпретации С. Г. Сватикова, войсковые чиновники и консервативно настроенная часть местного дворянства начали активно настраивать против земств и простых казаков, недовольных самим фактом введения денежных земских повинностей⁵⁸. С. Ф. Номикосов, придерживавшийся консервативных воззрений, описывал ситуацию совершенно иначе, ни словом не упоминая об истории с медицинскими учреждениями, зато подробно описывая ошибки, допущенные земствами при расчете денежных сборов в свою пользу. В разных округах их суммы с десятины земли различались в несколько раз, а в Черкасском округе казаков вовсе освободили от денежных повинностей⁵⁹. Вполне логично, что в такой ситуации оказавшиеся в наихудших условиях казаки Хоперского и Усть-Медведицкого округов начали отказываться платить земствам вовсе⁶⁰. Архивные материалы дают еще одну версию событий: станичные правления жаловались не на неуравнительность земских сборов и даже не на сам факт их введения, но на разорительность этих сборов в условиях неурожая и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.⁶¹ В то же время некоторые из станиц были не против сохранения земств, но только если бы последние занялись решением наиболее актуальных казачьих проблем, например взяв на свое попечение беднейших казаков⁶².

Ситуация быстро вышла из-под контроля, превратившись в настоящую войну противников и сторонников земств. Возможно, самый показательный эпизод этой «войны» произошел в декабре 1880 г., когда прямо на областном земском собрании группа земцев потребовала написать атаману Н. А. Краснокутскому, чтобы он «обратил серьезное внимание» на редакцию «Донских областных ведомостей», «безнаказанно порицающую принципы земского самоуправления»⁶³. Попытка разрешить дело с помощью учреждения очередной местной комиссии из назначенных членов, как от земств, так и от войсковой администрации, только ухудшила положение: ее председатель, Н. А. Маслаковец, констатировал «полнейший антагонизм» между земцами и чиновниками и их взаимное нежелание идти на компромисс⁶⁴. Чиновники требовали пересмотреть сами принципы работы донских земств, приблизив их организацию и обязанности к реальным потребностям края; земцы же требова-

⁵⁷ Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917 гг.). С. 378–379.

⁵⁸ Там же. С. 379–380.

⁵⁹ Номикосов С. Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. С. 604.

⁶⁰ Там же. С. 606.

⁶¹ Об освобождении Донских калмыков от несения воинской повинности // ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 29–29 об.

⁶² Там же. Л. 79–79 об.

⁶³ Номикосов С. Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. С. 605–606.

⁶⁴ Маслаковец Н. А. Объяснительная записка к вопросу о применении к Области Войска Донского земской реформы на основаниях, соответствующих местным условиям края и бытовым особенностям главной (казачьей) массы ее населения. Новочеркасск, 1880. С. 7.

ли облегчить казачью службу и увеличить финансовые возможности станиц, чтобы казакам было легче платить земские повинности⁶⁵.

По мере развития событий сопротивление казаков земским органам все возрастало. Правда, в большинстве случаев оно носило чисто пассивный характер: станицы отказывались платить земские повинности и избирать гласных. Однако очень быстро это сопротивление приняло такой масштаб, что ни о какой нормальной работе земств речи уже не шло. К 1882 г., когда земства были закрыты, земские недоимки достигали 88 % от годового бюджета земств⁶⁶. Из 112 донских станиц земские сборы перестали платить 68, а 50 отказались сотрудничать с земствами в принципе⁶⁷. На имперский уровень проблема вышла уже к 1879 г.: в это время во внутренней переписке Военного министерства начало обсуждаться «недовольство в Хоперском округе», а Министерство внутренних дел называло всю ситуацию вокруг принципиального отказа казаков от выплат земских повинностей «не имеющей примеров»⁶⁸. По свидетельству С. Г. Сватикова, в Луганской, Гундоровской, Еланской и Каменской станицах дело дошло до беспорядков, и казаки этих станиц отвечали на угрозы усмирить их криками «Мы тебе не мужики!»⁶⁹ Этими волнениями даже попытались воспользоваться народовольцы, включая самого Г. В. Плеханова, приехавшего на Дон и начавшего вести там агитацию⁷⁰. Трудно не увидеть здесь явной параллели с ситуацией 1863 г., когда именно недовольство в станицах заставило Военное министерство пойти на уступки донским казакам и согласиться на допуск выборных депутатов к составлению нового казачьего законодательства.

И, как и тогда, реакция центральных властей на донские беспорядки была крайне мягкой. С их стороны не вызвала порицания позиция, занятая войсковым начальством и заключающаяся в том, что с казаками, не желающими выплачивать земские повинности, велась главным образом разъяснительная работа⁷¹. Д. А. Милютин, некогда инициировавший идею земской реформы в казачьих войсках, теперь видел путь к сохранению донского земства в максимальном сокращении расходов на него, чтобы и земские повинности были уменьшены до возможного предела⁷². Таким образом, в очередной раз имперская власть, только что введшая земства на Дону, под напором донского казачества оказалась готова пойти на уступки. И уже в 1880 г. Н. А. Краснокутский предложил снова обратиться к созыву депутатов от всего войска, чтобы передать им на рассмотрение подготовленный войсковой администрацией проект реформы земств, а в 1881 г. эту инициативу одобрило и Военное министерство⁷³. Мы обнаружили официальное обоснование этого решения в позднейших документах, и оно заслуживает того, чтобы быть при-

⁶⁵ *Маслаковец Н. А.* Представленные г. Председателем комиссии соображения по поводу докладов гг. Мордвинцева, Бирюкова и Донецкого. Новочеркасск, 1899. С. 7–8.

⁶⁶ Там же. С. 9.

⁶⁷ *Номиков С. Ф.* Статистическое описание Области Войска Донского. С. 612.

⁶⁸ *Волвенко А. А.* Правительственная политика, местная власть и земская реформа в Области Войска Донского (1864–1882 гг.). С. 205–211.

⁶⁹ *Сватиков С. Г.* Россия и Дон (1549–1917 гг.). С. 380.

⁷⁰ Там же. С. 391–395.

⁷¹ *Маслаковец Н. А.* Объяснительная записка к вопросу о применении к Области Войска Донского земской реформы... С. 2.

⁷² Там же. С. 2.

⁷³ *Волвенко А. А.* Правительственная политика, местная власть и земская реформа в Области Войска Донского (1864–1882 гг.). С. 205–211.

веденным целиком: «Военное министерство пришло к следующему заключению: своеобразное устройство Области Войска Донского и в особенности лежащая на казаках поголовная воинская повинность представляют такие условия, коих нет в других местностях Империи, где введены земские учреждения; а потому мнения большинства членов Новочеркасской комиссии (комиссии Н. А. Маслаковца. — А. П.) относительно изменения Положения о земских учреждениях, по применению такого к Области Войска Донского заслуживает полного внимания. Но, останавливаясь на том, что мнение это не имеет за собою достаточного авторитета, Военное министерство, в видах прочного устройства земского на Дону дела, нашло необходимым прежде окончательной выработки проекта предполагаемых преобразований выслушать мнение выборных людей от всех сословий области»⁷⁴.

Новая комиссия, собравшаяся в Новочеркасске в 1881 г., получила название «комиссия 106», по числу членов, причем только 10 из них назначались войсковой администрацией, а остальные 96 избирались (в том числе: 40 — от станиц, 27 — от частных землевладельцев, большинство которых составляли казаки, 16 — от сельских обществ, 6 — от купцов, 3 — от коннозаводчиков, 2 — от домовладельцев и 2 — от шахтовладельцев)⁷⁵. С. Г. Сватиков приводит любопытные отрывки из итогового доклада той части «Комиссии 106», которую составили станичные депутаты. В этом докладе войсковая администрация называлась «совершенно полезной», а земства «неприятными» казачьему сословию, причем депутаты дошли до прямых угроз правительству, заявив ему, что если денежные земские повинности не будут отменены, то «казаки сочтут это нарушением их вековых прав и окажут сопротивление»⁷⁶. Одновременно станичные депутаты требовали автономии Войска Донского на условиях, близких тем, которые выдвигали их предшественники в 1863 г.: они желали, например, восстановить представительный войсковой орган, в котором преобладали бы станичные депутаты, и допустить его представителей до составления войскового бюджета⁷⁷. Представители крестьянства и купечества, напротив, высказались за сохранение земства в его существующем состоянии⁷⁸. В этом не было ничего удивительного: позднее правительственная комиссия установила, что большая часть земских школ и медицинских учреждений открывалась в крестьянских волостях, при том что земские подати у крестьян составляли 9 коп. с души, а у казаков — 75 коп.⁷⁹ Только последняя группа членов «Комиссии 106», состоявшая из дворян, землевладельцев, земцев и, как ни странно, представителей войсковой администрации, проявила определенную гибкость, высказавшись за сохранение органов донского самоуправления, но при условии их реформы в соответствии с потребностями края, и даже, в случае необходимости, переименования⁸⁰. Единственное, в чем сходились три группы, было то, что текущее положение

⁷⁴ Объяснительная записка к проекту Положения о Донском местном управлении. Новочеркасск, б. г. С. 1–2.

⁷⁵ Там же. С. 2.

⁷⁶ Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917 гг.). С. 386.

⁷⁷ Там же. С. 385–386.

⁷⁸ Волвенко А. А. Правительственная политика, местная власть и земская реформа в Области Войска Донского (1864–1882 гг.) С. 205–211.

⁷⁹ Объяснительная записка к проекту Положения о Донском местном управлении. С. 13.

⁸⁰ Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917 гг.). С. 386.

стало нетерпимым: все они жаловались на вражду административных органов на Дону и избыток выполняющих схожие функции инстанций⁸¹.

Если оставить в стороне требование станичных депутатов о фактическом введении автономии Войска Донского, центральная власть действовала в полном соответствии с этими разнородными решениями «Комиссии 106». В 1882 г. было принято одновременно три решения: не отказываться принципиально от идеи введения земств на Дону; действие существующих земств приостановить на неопределенный срок; начать разработку нового земского законодательства для Войска Донского⁸². Созданная для разработки земского законодательства комиссия, хотя и состояла из назначенных членов, должна была «прислушаться к голосу местного общественного мнения, как оказалось, бесповоротно выраженному в бывшей комиссии 106 представителей от всех сословий»⁸³. Таким образом, в данном случае Военное министерство вообще утвердило мнение органа донских выборных депутатов, закрыв существующие земства и начав разработку нового органа местного донского самоуправления, удовлетворяющего желаниям населения. Правда, согласовать такой вариант донского земства, который бы удовлетворил все группы донских жителей, не удалось до 1917 г., но это уже другой сюжет, заслуживающий отдельного исследования.

После «Комиссии 106» Военное министерство снова избегало создания органов, включающих выборных депутатов от всего войска. И это, как позже оказалось, было ошибкой. Фактически после победы над земствами консервативно настроенная часть донской элиты, связанная с войсковой администрацией, получила монополию на представительство Войска Донского перед Военным министерством. Бывший донской земец А. А. Донецкий жаловался, что в итоге имперское правительство часто знало не «истинное положение дел на Дону», но «призрак его», приукрашенный и искаженный⁸⁴. В итоге Военное министерство не придало должного значения информации о начавшемся обеднении донского казачества, о котором в 1879–1880 гг. говорили донские земцы⁸⁵. Безусловно, это было ошибкой имперской власти, но ошибкой, проистекающей не из невнимания к казачьим проблемам, а из переоценки новым военным министром П. С. Ванновским фигуры очередного донского атамана, князя Н. И. Святополк-Мирского. В Военном министерстве надеялись, что экономические проблемы казачества решит разработанный по инициативе атамана очередной донской комиссией проект реформы станичного управления, доработанный представителями других казачьих войск⁸⁶. Поскольку П. С. Ванновский оставался в должности почти все 1880-е и 1890-е годы, все это время ситуация на Дону была стабильной.

Однако сразу же после смены военного министра в 1898 г. события стали развиваться самым непредсказуемым образом. Впервые донская элита взяла на себя

⁸¹ Объяснительная записка к проекту Положения о Донском местном управлении. С. 5.

⁸² Там же. С. 2.

⁸³ Там же. С. 3.

⁸⁴ Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. Б. м., 1899. С. 135.

⁸⁵ *Маслаковец Н. А.* Объяснительная записка к вопросу о применении к Области Войска Донского земской реформы... С. 8.

⁸⁶ По отношению военного министра по проекту положения об общественном управлении станиц казачьих войск. Л. 5–21.

смелость просить о созыве депутатов от всего войска по собственной инициативе, а не по предложению атамана. Уже в январе донское областное дворянское собрание решило ходатайствовать перед императором о «необходимости учреждения в Новочеркасске комиссии с участием в ней, в качестве членов, особых по выбору Дворянского собрания представителей от дворянства, а также и выборных представителей от станичных обществ, для всестороннего исследования причин, подрывающих хозяйственный быт Донского казачьего войска, и для выработки тех мер, коими может быть восстановлено утраченное сим войском благосостояние»⁸⁷. Войсковое начальство отказалось поддержать подобное ходатайство, считая его противоречащим действующему законодательству⁸⁸. Тем не менее донским дворянам удалось доставить свое ходатайство новому военному министру А. Н. Куропаткину, и он согласился представить его Николаю II в обход Н. И. Святополк-Мирского⁸⁹. Более того, старый атаман был спешно переведен в Государственный совет, а нового назначили только почти через год, причем временно исполняющим должность донского атамана стал уроженец Дона генерал-лейтенант А. П. Короченцев, что было беспрецедентным для второй половины XIX в. шагом навстречу пожеланиям донских казаков о «своем», казачьем атамане⁹⁰.

И этим уступки Военного министерства не ограничились. Хотя донские дворяне просили только о включении выборных депутатов в планируемую комиссию для изучения причин обеднения казачества, имперские власти приняли решение дать подобным депутатам абсолютное большинство в этой комиссии. Всего 4 ее члена должны были назначаться (2 — от Военного министерства, 1 — от областного правления и 1 — от войскового штаба), а 17 — избираться (8 — от дворян, на чрезвычайных окружных дворянских собраниях, 8 — от станиц, путем двухступенчатых выборов, на первом этапе которых своего депутата выбирала каждая станица, а на втором эти депутаты собирались по округам и выбирали одного представителя из своей среды, и 1 — от общества торговых казаков)⁹¹. Тем не менее Военное министерство дало этой комиссии право обсуждать не только чисто экономические вопросы, но и вопросы казачьего законодательства: уже один из разделов первоначальной программы комиссии, составленной ее председателем Н. А. Маслаковцом, назывался «Отношение органов местного административного управления Войска Донского к делам станичного самоуправления и организации общественного станичного хозяйства»⁹².

Комиссия была открыта в начале 1899 г. в Новочеркасске и в очередной раз продемонстрировала желание казаков добиться автономии Войска Донского. Самое радикальное предложение в этом направлении было высказано А. А. Донецким, который выступил с инициативой о «передаче на предварительное заключение Областного Войска Донского дворянского собрания тех возникающих на Дону вопросов, которые подлежат разрешению в законодательном порядке»⁹³. Впрочем,

⁸⁷ Материалы комиссии Н. А. Маслаковца // ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 682. Л. 4.

⁸⁸ Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. С. 132.

⁸⁹ Донцы XIX века. С. 302–303.

⁹⁰ Скорик А. П. Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск, 2015. С. 78.

⁹¹ Материалы комиссии Н. А. Маслаковца. Л. 6–6 об.

⁹² Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. С. 3.

⁹³ Маслаковец Н. А. Представленные г. Председателем комиссии соображения по поводу докладов... С. 8–11.

имевший опыт общения с донской элитой Н. А. Маслаковец потушил возможный конфликт в зародыше, сняв данную инициативу с голосования как «не подлежащую компетенции комиссии»⁹⁴. Однако председатель комиссии мог так поступать только в чрезвычайных случаях, а выборные депутаты постоянно демонстрировали свою самостоятельность. Чаще всего Н. А. Маслаковец конфликтовал именно с А. А. Донецким, и три предложения последнего были одобрены комиссией несмотря на попытки председателя оппонировать им (эти предложения предлагали максимально быстрое восстановление на Дону земств, раздел всех оставшихся войсковых земель между малоземельными станицами и передачу части войсковых доходов станичным обществам)⁹⁵.

Если оставить в стороне заведомо невыполнимые предложения донской элиты о предоставлении Войску Донскому политической автономии в составе Российской империи (любопытно, что Н. А. Маслаковец объяснял их невыполнимость «беспримерностью в сфере местного и государственного в Империи управления»⁹⁶), то основные идеи выборного большинства комиссии Н. А. Маслаковца можно свести к следующим двум: во-первых, донские депутаты требовали признания со стороны правительства самого факта обеднения казачества, принявшего угрожающий масштаб⁹⁷, и, во-вторых, они предлагали меры, направленные против обеднения, причем эти меры должны были касаться и военной службы, и донской экономики, и войсковой администрации⁹⁸. Уже по ходу работы комиссии выяснилось, что либеральная часть донской элиты откровенно пытается противопоставить ее войсковой администрации. А. А. Карасев восхищался донским дворянством, которое «смело выставило безотрадное положение донского казачьего населения» перед самим императором, и подчеркивал, что «надежды» донских казаков на улучшение своего положения теперь связаны исключительно с созданной благодаря этой смелости дворян комиссией, а не с традиционными донскими институтами⁹⁹.

Между тем Военное министерство, впервые разрешив создать выборных депутатов от всего Войска Донского в относительно спокойной ситуации, надеялось, очевидно, на совсем иной вариант развития событий. Из записей Н. А. Маслаковца следует, что максимально широкое представительство депутатов от разных групп казачьего населения в ней пытались обеспечить для получения достоверной и независимой от войсковых властей информации о ситуации в регионе¹⁰⁰. Военное министерство надеялось, что донская элита будет вполне удовлетворена самим

⁹⁴ Там же. С. 8–11; Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. С. 183–185.

⁹⁵ *Маслаковец Н. А.* Представленные г. Председателем комиссии соображения по поводу докладов... С. 8–11;

⁹⁶ Там же. С. 10.

⁹⁷ *Чигринцев А. А.* Записка по поводу заключений о причинах обеднения казачьего населения Войска Донского, установленных комиссией // ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 8–8 об.

⁹⁸ *Маслаковец Н. А.* О занятиях высочайше учрежденной 16-го июня 1898 года Комиссии в Области Войска Донского и о достигнутых ею результатах: Доклад состоящего в распоряжении военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта Маслаковца 23 авг. 1899 г. СПб., 1899. С. 1–121.

⁹⁹ *Карасев А. А.* Донские атаманы за последние полвека. С. 115.

¹⁰⁰ *Маслаковец Н. А.* Докладная записка в Главное управление казачьих войск по поводу замечаний войскового атамана Войска Донского на отчетный доклад Н. А. Маслаковца о результатах работы комиссии для изыскания мер к восстановлению экономического благосостояния донского казачества // ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 22. Л. 1 об.

фактом создания выборной комиссии для обсуждения самого широкого круга вопросов казачьего законодательства и экономики и не будет проявлять дальнейших политических амбиций. А уж поддерживать эти амбиции оно точно не собиралось.

По этой причине после завершения работы комиссии Н. А. Маслаковца вокруг сделанных ей выводов сложилась крайне неоднозначная ситуация. Факт обеднения донского казачества и необходимости борьбы с ним был официально признан Военным министерством, однако членов комиссии обвинили в сгущении красок и преувеличении казачьих проблем¹⁰¹. В то же время лично военный министр А. Н. Куропаткин признал работу комиссии полезной и необходимой¹⁰². Большая часть мер, рекомендованных комиссией Н. А. Маслаковца, была объявлена преждевременной, но те меры, которые комиссия считала наиболее срочными, были реализованы в полном объеме¹⁰³. В частности, члены комиссии считали наиболее важным начать выплачивать каждому выходящему на службу казаку по 100 руб., оказывая тем самым казачеству прямую материальную поддержку¹⁰⁴. И А. Н. Куропаткин обратился с соответствующим предложением к императору, впрочем, не сообщив ему, что эта инициатива исходила от выборных донских депутатов, и приписав ее себе¹⁰⁵.

Итак, во второй половине XIX в. правительство четырежды созывало выборных депутатов от Войска Донского для обсуждения наиболее острых и актуальных проблем казачьего законодательства и экономики. Во всех четырех случаях из депутатов формировались специальные органы, в которых выборные члены имели огромное численное преимущество над членами назначенными. При этом выборы в эти комиссии, очевидно, проводились достаточно свободно — во всяком случае, выборные депутаты всегда проявляли крайнюю самостоятельность и создавали проблемы Военному министерству. Инициатива созыва депутатов во всех случаях исходила от местных донских лиц и органов: трижды от атаманов (от П. Х. Граббе в 1863 г., А. Л. Потапова в 1867 г. и Н. А. Краснокутского в 1880 г.) и однажды от областного дворянского собрания (1898 г.). Как правило, созыв выборных депутатов был крайней мерой, на которую атаман шел в случае серьезных беспорядков в войске: в 1860-х гг. эти беспорядки были связаны с оппозицией казаков предполагаемым правительственным реформам, а в конце 1870-х гг. — с нежеланием платить земские сборы. Поскольку подавлять казачьи беспорядки силовым путем Военное министерство не хотело, опасаясь потерять лояльность донского казачества имперской власти, созыв станичных депутатов был эффективным способом успокоить простых казаков и продемонстрировать, что правительство прислушивается к их мнению. Несколько особняком стоят выборы депутатов в комиссию Н. А. Маслаковца, утвержденные в условиях спокойствия в донском регионе и вопреки воле действующего атамана. В этом случае Военное министерство вообще пошло в одностороннем порядке на уступки донскому дворянству, согласившись на создание

¹⁰¹ Отчет о служебной поездке военного министра в Область Войска Донского в 1900 году // РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 51 об.–52.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ *Маслаковец Н. А.* О занятиях высочайше учрежденной 16-го июня 1898 года Комиссии в Области Войска Донского... С. 116.

¹⁰⁵ Отчет о служебной поездке военного министра в Область Войска Донского в 1900 году. Л. 57.

выборного органа исключительно для получения информации о положении дел на Дону из источников, независимых от войсковой администрации.

Правовое положение органов, создававшихся из выборных депутатов, было не вполне определенным. Эти органы никак не были связаны с донскими традиционными институтами, и Военное министерство не давало им никаких конкретных прав. Депутаты могли только донести свою позицию до имперских властей, иногда через войсковые структуры, иногда в обход их, но никаких гарантий того, что эта позиция будет учтена, не предоставлялось. Тем не менее только в одном случае (в 1863 г.) наработки донских депутатов были отвергнуты, причем даже тогда об этом не объявляли официально. Более того, Военное министерство отложило проведение своих реформ из-за их неодобрения донскими депутатами, а впоследствии отказалось от распространения на Дон конскрипционной системы, вызвавшей наибольшее возмущение. Еще один раз (в 1867 г.) атаман сумел навязать депутатам свою волю, изменив состав выборной комиссии по ходу работы, заменив часть ее членов более лояльными и обеспечив принятие проправительственного проекта донских земств. Наконец, в двух оставшихся случаях (в 1881 и 1899 гг.) первоочередные меры, рекомендованные донскими депутатами, были реализованы. Таким образом, влияние выборных органов Войска Донского на правительственную политику было значительным, хотя и не абсолютным.

Однако представители донской элиты, входящие в подобные комиссии, упорно, раз за разом, требовали от правительства беспрецедентного для Российской империи расширения автономии Войска Донского. Каждый раз они выступали за создание постоянного представительного органа от казачества, имеющего право серьезно влиять на правительственную политику, хотя название этого органа и формы его влияния менялись. Регулярно звучала и тема о необходимости чаще созывать выборных депутатов от станиц. Имперские власти столь же регулярно отвергали предложения о расширении автономии Дона, но не из-за невнимания к мнению донской элиты, а ввиду «беспримерности» (дословная формулировка Н. А. Маслаковца) предоставления подобной автономии какому-либо региону Российской империи во второй половине XIX в. (сравнимой и даже большей автономией пользовалось Великое княжество Финляндское, но оно уже имело ее, а не получило в интересующий нас период). С другой стороны, власти не предпринимали и каких-то мер против инициаторов подобных предложений, хотя имели место случаи их обвинения политическими противниками и даже столичной прессой в сепаратизме.

Подводя итог, мы можем констатировать, что неоднократный созыв выборных депутатов от донских станиц и донских дворян в 1860–1890 гг. сам по себе является достаточным основанием, чтобы говорить о Войске Донском как об одной из окраин Российской империи, обладавшей уникальными особенностями в своих взаимодействиях с центральной властью. Говорить о полноценной политической автономии Войска Донского, подобной автономии Великого княжества Финляндского и Царства Польского до 1831 г., безусловно, нельзя. Но Войско Донское также нельзя рассматривать ни как территорию с «управлением с общеимперской государственной администрацией на всех уровнях», ни даже как административную автономию. Наиболее адекватным реальности нам кажется представление о Войске Донском как о субъекте Российской империи с отдельными элементами политической автономии. В нормальной ситуации управление Войском осуществлялось в режиме, по-

степенно все больше приближаемся к российским губерниям, с поправкой на военную специфику донского казачества. Однако в ситуации чрезвычайной, в случае очевидного недовольства в регионе имперская власть не только не пыталась широкомасштабно применять карательные меры, но и демонстративно соглашалась на созыв выборных депутатов от войска. В дальнейшем между этими депутатами и Военным министерством начиналась сложная политическая игра: депутаты не только отвечали на поставленные перед ними вопросы в соответствии с настроениями донских станиц, обычно оппозиционными правительственной политике, но и раз за разом требовали предоставить Войску Донскому полноценную политическую автономию, Военное министерство же пыталось продолжать проводить свою политику, но при этом не нарушать явным образом важнейшие решения выборных комиссий.

References

- Dameshek L. M., Dameshek I. L. *Peripherys of the Russian Empire: Institutions and Bureaucracy of the 19th — Early 20th Centuries*. Irkutsk, ISU Press, 2015, 223 p. (In Russian)
- Kozlov A. A., Kozlov A. I. The Imperial Policy of Nationalization, Militarization and Enslavement of Cossacks in the 19th — Early 20th Century. *Kazachestvo: proshloe i nastoiashchee*. Ed. by M. M. Zagorul'ko. Volgograd, VolSU Press, 2000, pp. 95–125. (In Russian)
- Peretyatko A. Y. “Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order”: the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 on the Don. Part I. *Bylye Gody*, 2017, vol. 45, iss. 3, pp. 937–948.
- Peretyatko A. Y. “Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order”: the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 on the Don. Part II. *Bylye Gody*, 2017, vol. 46, iss. 4, pp. 1401–1415.
- Skorik A. P. *Milyutinsky Cossack Yurt: the Experience of Historical Reconstruction*. Novocherkassk, Lik Publ., 2015, 1184 p. (In Russian)
- Tikidzh'ian R. G. Don Codification Committee. *Donskoi vremennik*, 2014, vol. 23, pp. 95–98. (In Russian)
- Urushadze A., Grom O., Dmitrieva N. The Russian Empire and the National Periphery: Between the Theory of Autocracy and Management Practices. *Quaestio Rossica*, 2018, vol. 6, no. 3, pp. 835–853. (In Russian)
- Volvenko A. A. The Don Cossacks in Governmental Policy at the Era of “Great Reforms” (the 1860–1870s). *Izvestia of Samara scientific centre of the Russian Academy of Sciences*. 2014, vol. 16, iss. 3, pp. 12–20. (In Russian)
- Volvenko A. A. Concept of the Army (Nesluzhilogo) Citizen: Plans and Practice (the 1860–1870s). *Primo Aspectu*. 2016, no. 4 (28), pp. 68–71. (In Russian)
- Volvenko A. A. Unrealized project of the Regulation of the Don Host. *Scientific Thought of Caucasus*, 2006, no. 1, pp. 20–24. (In Russian)
- Volvenko A. A. *Essays about the History of the Don Cossacks in the Late Imperial Period (II Half 19th — Beginning of 20th Centuries)*. Rostov-on-Don, Rostov State University of Economics Press, 2017, 226 p. (In Russian)
- Volvenko A. A. Government Policy, Local Government and Zemstvo Reform in the Don Host Oblast (1864–1882). *Kazachestvo Rossii: proshloe i nastoiashchee*, vol. 2. Ed. by G. G. Matishov. Rostov-on-Don, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences Press, 2008, pp. 196–201. (In Russian)
- Volvenko A. A. Don Atamans of the Age of “Great Reforms” (the 1860s — 1870s). *Ruskaia Starina*, 2017, vol. 8, iss. 1, pp. 34–54.
- Volvenko A. A. Interim Committee on Revision of the Cossack Statutes: Organization, Structure, Activity (1865–1872). *Bylye Gody*, 2018, vol. 47, iss. 1, pp. 280–291.
- Volvenko A. A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860s). Part I. *Ruskaia Starina*, 2015, vol. 13, iss. 1, pp. 19–37.

Статья поступила в редакцию 15 июля 2019 г.

Рекомендована в печать 2 декабря 2019 г.

Received: July 15, 2019

Accepted: December 2, 2019